

КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ
ПОСТАНОВЛЕНИЕ

о рассмотрении жалобы Иманкулова Тимура Иманкуловича
на определение коллегии судей Конституционного суда
Кыргызской Республики от 27 января 2022 года

20 мая 2022 года

город Бишкек

Конституционный суд Кыргызской Республики в составе: председательствующего Осконбаева Э.Ж., судей Бобукеевой М.Р., Дуйшеева К.А., Жумабаева Л.П., Касымалиева М.Ш., Кыдырбаева К.Дж., Шаршеналиева Ж.А. при секретаре Кененсариевой Н.А., руководствуясь частью 5 статьи 30 конституционного Закона «О Конституционном суде Кыргызской Республики», рассмотрел в судебном заседании жалобу Иманкулова Тимура Иманкуловича на определение коллегии судей Конституционного суда Кыргызской Республики от 27 января 2022 года.

Исследовав доводы, изложенные в жалобе, и материалы по ходатайству Иманкулова Т.И., Конституционный суд Кыргызской Республики

У С Т А Н О В И Л:

В Конституционный суд Кыргызской Республики 29 декабря 2021 года поступило ходатайство Иманкулова Т.И. о проверке соответствия нормативных положений части 1 статьи 330 Уголовного кодекса Кыргызской Республики, выраженных словами «действия, направленные на», «возбуждение межрегиональной вражды (розни)», «унижение национального

достоинства», абзаца восьмого пункта 1 части 1 статьи 1 Закона Кыргызской Республики «О противодействии экстремистской деятельности» преамбуле, части 1 статьи 1, части 2 статьи 6, части 2 статьи 10, части 6 статьи 23, части 2 статьи 29, частям 1, 2, 4 статьи 32 Конституции Кыргызской Республики.

Из ходатайства следовало, что статья 32 Конституции, устанавливая право каждого на свободу мысли и мнения (часть 1), на свободу выражения своего мнения, свободу слова и печати (часть 2), гарантирует каждому возможность беспрепятственно выражать свое мнение и убеждения по вопросам общественного, государственного, иного характера посредством устного, печатного слова на собраниях, митингах и других средств. Данные конституционные нормы корреспондируют с международными стандартами в сфере прав и свобод человека (статьей 19 Всеобщей декларации прав человека, статьей 19 Международного пакта о гражданских и политических правах).

Субъект обращения считал, что свобода мысли, мнения, и их выражение не являются абсолютным правом в силу части 4 статьи 32 Конституции. В данной статье содержится запрет не на выражение мыслей, вызывающих ненависть или идеи национального, иного превосходства, а именно их пропаганды, содержащей призыв к дискриминации, вражде и насилию.

Под пропагандой Иманкулов Т.И. полагал заранее спланированное, целенаправленное воздействие на общественное сознание с целью возбуждения в людях устойчивого чувства ненависти, враждебности по признакам национальности, расы, языка, отношения к религии, пола. Тогда как статья 330 Уголовного кодекса Кыргызской Республики (далее - УК), наряду с понятием «пропаганда» содержит указания на «действия, направленные на возбуждение», тем самым, расширяя смысл части 4 статьи 32 Конституции. Запрет, содержащийся в указанной конституционной норме, конкретизирован в статье 1 Закона «О противодействии экстремистской деятельности». Перечисленные в данной статье виды деятельности физических и юридических лиц, входящих в понятие «экстремистская

деятельность», нашли свое отражение в главе 43 «Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства» УК и имеют такой же видовой объект, что и государственная измена, шпионаж, диверсия, насильственный захват власти, вооруженный мятеж.

Как указывал заявитель, объект посягательства имеет важное значение при квалификации деяния. В уголовном законодательстве большинства зарубежных стран подобные деяния не относятся к преступлениям против государственной власти, а относятся к преступлениям против личности, равенства прав и свобод человека (дискриминирующие преступления). В связи с этим, а также учитывая, что нормы УК основываются на конституционных нормах (в частности, на части 1 статьи 24, части 4 статьи 32), заявитель полагал, что родовым объектом преступлений, связанных с возбуждением вражды, должны быть права и свободы личности. Так, оспариваемые нормы Кодекса и Закона неправомерно расширяют родовой объект деяний, имеющих антидискриминационный характер и посягающих на права и свободы личности. В результате этого, деяния, не представляющие особой опасности для государства, отнесены к разряду экстремистских, что по его мнению, является неконституционным.

В частности, субъект обращения указывал, что термин «унижение национального достоинства» введен в УК с 1922 года, который видоизменялся, но в различной формулировке сохранился и является деянием характерным для социалистического права, направленным на обеспечение советской государственной идеологии, когда родовым объектом деяний был связан с порядком управления.

По мнению Иманкулова Т.И. криминализация не должна противоречить конституционным нормам, должна быть осуществима в процессуальном аспекте и предусматривать более мягкие санкции за рассматриваемые деяния, в связи с чем, действия, направленные на унижение национального достоинства, не должны относиться к категории уголовно наказуемых деяний. Он отмечал, что запрет на уголовное преследование за

распространение информации, порочащей или унижающей честь и достоинство личности, предусмотренный частью 2 статьи 29 Конституции, является абсолютным и гарантируется ею (часть 6 статьи 23).

В этой связи, он ссылаясь на Решение Конституционной палаты Верховного суда Кыргызской Республики от 6 ноября 2013 года, в котором раскрыты понятия чести и достоинства, а также следует вывод о необходимости снятия уголовного преследования за оскорбление.

Заявитель полагал, что понятие «достоинство» применимо к человеку, как отдельной единице, тогда как в оспариваемых нормативных положениях речь идет об унижении национального достоинства граждан, то есть группы лиц, что недопустимо, поскольку нет понятия «коллективное достоинство». Также субъект обращения указывал, что унижение национального достоинства является оскорблением и в силу конституционного запрета не может преследоваться в уголовном порядке, в связи с чем, оспариваемые нормативные положения, выраженные словами «унижение национального достоинства», неконституционны.

Относительно оспариваемых нормативных положений, выраженных словами «действия, направленные на возбуждение межрегиональной вражды (розни)», субъект обращения приводил следующие доводы.

Запрет возбуждения межрегиональной вражды заявитель рассматривал как признание государством существования предпосылок для возникновения конфликта между регионами Кыргызстана, которые могут угрожать территориальной целостности государства и считает их беспочвенными. Он ссылаясь на часть 1 статьи 24, часть 4 статьи 32 Конституции и полагал, что в указанных нормах нет прямого указания на региональную принадлежность, однако законодатель, предполагая наличие регионального превосходства как разновидности социального превосходства, подвергает сомнению этническое, историческое, духовное единство кыргызского народа и признает наличие предпосылок для его разделения. Так, оспариваемые нормативные положения противоречат не только обозначенным конституционным нормам,

но и части 1 статьи 1 Конституции, устанавливающей, что Кыргызская Республика, является унитарным государством.

Субъект обращения указывал, что при издании законов его текст должен быть изложен ясно и однозначно, а уголовное законодательство с учетом норм части 2 статьи 6 Конституции должно быть направлено на детализацию конституционных установлений, быть воплощением их процессуальной формы. Однако оспариваемые нормативные положения изложены двусмысленно, без соблюдения равенства граждан и с расширением конституционно допустимых дискриминаций. Термин «возбуждение розни» заявитель полагал неточным и считал целесообразным применение терминов «разжигание», как действия виновного лица, отличаемого от реакции лиц, к которым направлена информация (возбуждение), и «вражда», как агрессии, исключая рознь, подразумевающую дискриминацию.

Иманкулов Т.И. считал, что в оспариваемых нормативных положениях законодатель заложил правовые основы, противоречащие принципу верховенства права, в содержание которого входит также обеспечение равенства и защиты прав человека, а правоохранительные органы, применяя их и возбуждая уголовные дела в отношении граждан, разместивших комментарии в сети Интернет, создали опасный прецедент для уголовного преследования граждан за критику должностных лиц государства. Однако в данном случае целью распространения информации является не возбуждение межрегиональной розни и унижение национального достоинства, а размещение сообщений оскорбительного характера, что не может преследоваться в уголовном порядке.

Возбуждение межрегиональной розни подразумевает публичное умышленное активное воздействие на людей, сопровождаемое длительным состоянием враждебности по региональной принадлежности. Зачастую деяние характеризуется широким кругом лиц, привлекаемых к ответственности, независимо от намерений лица, первоначально

распространившим информацию, что влечет проблемы с доказыванием умысла лица, в дальнейшем распространившим информацию.

Размытая формулировка оспариваемых нормативных положений и сложность доказывания прямого умысла в разжигании межрегиональной вражды делают статью 330 УК неэффективной, содержит угрозу социальной стабильности, противоречит принципу правовой определенности и затрудняет правоприменительную практику. Создается риск произвольного применения оспариваемых нормативных положений органами следствия и суда в целях преследования за инакомыслие и оппозиционную деятельность. Оспариваемые нормативные положения становятся потенциальным инструментом для борьбы с лицами, несогласными с действующим политическим курсом, и, таким образом, легализуют политическую цензуру. Любой информационный акцент на социальном, расовом, национальном или религиозном различии, высказанный публично либо в сети Интернет с личной негативной оценкой, может быть расценен как действие, направленное на возбуждение ненависти. Такая ситуация ставит под сомнение реализацию конституционной гарантии на свободу мысли и слова и влечет необоснованное привлечение лиц к уголовной ответственности.

Отсутствие четких законодательных процедур открывает возможности для заинтересованности правоохранительных органов при возбуждении и ведении уголовного дела, поскольку состав преступления оспариваемых нормативных положений признает нарушением любые действия, направленные на возбуждение межрегиональной вражды (розни), унижение национального достоинства граждан, тем самым, значительно выходит за пределы запрета, установленного частью 4 статьи 32 Конституции, в которой говорится только о пропаганде. Квалификация преступлений по статье 330 УК позволяет привлечь к уголовной ответственности и за высказывания, выраженные в форме перепоста в социальной сети, без комментария обвиняемого и намерений лица, разместившего информацию. Неосторожный комментарий, размещенный в Интернете, плакат на митинге или фото в

социальной сети могут явиться основанием для назначения реального тюремного срока. Это создает потенциальную угрозу привлечения к ответственности невиновных лиц, как в свое время статья 70 УК РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960г.), предусматривавшая уголовную ответственность за антисоветскую пропаганду, повлекла осуждение тысячи людей.

Кроме того, пунктом 2 части 1 статьи 74 УК в качестве обстоятельства, отягчающего наказание, предусмотрено совершение преступления на почве расовой, этнической, национальной, религиозной или межрегиональной вражды (розни). Так, деяние может быть квалифицировано и по статье 330, и по иной статье (например, статьям 128, 139), но со ссылкой на статью 74 УК, что также может стать дополнительным негативным инструментом в руках правоприменителя.

Субъект обращения также был не согласен со способами фиксации органами следствия информации, полученной из сети Интернет при проведении оперативно-розыскной деятельности в рамках оспариваемых нормативных положений, и считал необходимым привлечение специалиста в данном следственном действии. Трудность заключается в том, что результаты просмотра контента интернет-страниц будущих обвиняемых, осуществляемых органами следствия в начале в досудебном производстве невозможно будет перепроверить на поздних стадиях уголовного процесса.

С учетом изложенного, заявитель просил признать оспариваемые нормативные положения противоречащими Конституции.

Определением коллегии судей Конституционного суда Кыргызской Республики от 27 января 2022 года было отказано в принятии к производству обращения Иманкулова Т.И.

В определении было отмечено, что в представленном обращении системная связь между оспариваемыми нормативными положениями и нормами Конституции были подкреплены доводами, связанными с правоприменительной практикой и требуют исследования фактических

обстоятельств дела, соответственно их решение относится к компетенции следственных органов и судов общей юрисдикции.

При этом коллегия судей указала, что правовая позиция, связанная с реализацией права на свободу выражения своего мнения, была выражена в Решении Конституционной палаты Верховного суда Кыргызской Республики от 29 декабря 2014 года, где было отмечено, что реализация права на свободу выражения своего мнения, свободу слова реализуется ответственно и в той мере, в какой не нарушает права и свободы других лиц, установленных Конституцией (часть 4 статьи 31) и законами. Такое положение имеет важное значение для поддержания баланса конституционных ценностей прав и свобод личности и ответственности в правовом государстве.

Пользование правом на свободу слова в соответствии с Международным пактом о гражданских и политических правах налагает особые обязанности и особую ответственность, а ограничение использования этого права предназначено «для уважения прав и репутации других лиц» (статья 19). Следовательно, честь и достоинство человека является своего рода ограничителем права на свободу слова для случаев злоупотребления этим правом как со стороны представителей средств массовой информации, так и иных субъектов.

Таким образом, доводы заявителя, изложенные в ходатайстве, не могли расцениваться как обстоятельства, вызывающие сомнения в конституционности оспариваемых нормативных положений, которые в соответствии с частью 2 статьи 26 конституционного Закона «О Конституционном суде Кыргызской Республики» должны служить основанием для рассмотрения дела в рамках конституционного судопроизводства.

Не согласившись с определением коллегии судей, Иманкулов Т.И. 20 апреля 2022 года обратился с жалобой в Конституционный суд Кыргызской Республики.

Заявитель считает отказ коллегии судей в принятии его ходатайства к производству необоснованным и подлежащим отмене по следующим основаниям.

Автор жалобы указывает, что им соблюдены все общие требования к обращению, установленные статьей 27 конституционного Закона «О Конституционном суде Кыргызской Республики» и выражает несогласие с доводами коллегии судей о том, что право на обращение в Конституционный суд принадлежит физическому (физическим) или юридическому (юридическим) лицу, если оно считает, что законами и иными нормативными правовыми актами нарушаются его права и свободы, признаваемые Конституцией.

Иманкулов Т.И. отмечает, что согласно части 3 статьи 97 Конституции каждый вправе оспорить конституционность закона и иных нормативных правовых актов, если считает, что ими нарушаются права и свободы, признаваемые Конституцией. По его мнению, в рамках абстрактного нормоконтроля в данном конституционном установлении нет указания на то, что обязательным требованием и единственным основанием для обращения гражданина в Конституционный суд о проверке конституционности закона является нарушение оспариваемой нормой закона прав и свобод конкретного гражданина, предусмотренных Конституцией.

Относительно доводов коллегии судей о том, что заявителем не были приведены обстоятельства, каким именно образом были нарушены его конституционные права и не приложены соответствующие доказательства, подтверждающие нарушение его прав, а также о том, что системная связь между оспариваемыми нормами и положениями Конституции подкреплены доводами, связанными с правоприменительной практикой, автор жалобы отмечает, что коллегия судей не привела ссылки на соответствующие законы, регулирующие данные вопросы.

Вместе с тем автор жалобы утверждает, что целью его обращения в Конституционный суд Кыргызской Республики является построение

диспозиции правовой нормы об уголовной ответственности за пропаганду разжигания вражды в ее различных видах, что, по его мнению, является актуальным вопросом, особенно связанным с привлечением к уголовной ответственности за разжигание вражды в сети Интернет. От правильной конструкции состава преступления статьи 330 УК, охвата уголовно наказуемых деяний, зависит стабильность в государстве и ответственность должна наступать только за публичную пропаганду, в том числе с использованием сети Интернет, а не за действия, которые направлены на разжигание, поскольку такие действия не конкретизированы в статье 330 УК.

На основании изложенного, Иманкулов Т.И. просит отменить определение коллегии судей от 27 января 2022 года и принять его ходатайство к конституционному судопроизводству.

Конституционный суд Кыргызской Республики, обсудив доводы заявителя и основания отказа коллегии судей в принятии обращения к производству, приходит к следующим выводам.

Определение коллегии судей Конституционного суда по вопросу принятия или отказа в принятии обращения к производству носит сугубо процессуальный характер. В связи с чем, Конституционный суд дает правовую оценку выводам коллегии судей в порядке пересмотра такого определения лишь в рамках аргументов и требований, приведенных в обращении, а также доводов, опровергающих ее выводы.

Относительно доводов заявителя о применении коллегией судей в обжалуемом определении конкретного конституционного контроля необходимо отметить следующее.

В отличие от большинства стран мира, где физические и юридические лица не являются субъектами обращений в органы конституционного контроля и не вправе ставить вопрос о конституционности нормативных правовых актов, Конституция Кыргызской Республики, преследуя цель обеспечения широкой доступности конституционного правосудия, предоставляет каждому право обращения в Конституционный суд с

постановкой такого вопроса. Причем такое право возникает и вне связи с конкретным делом о нарушении конституционных прав и свобод. Этот вид конституционного контроля является абстрактным.

Вместе с тем, доступность конституционного правосудия в Кыргызской Республике не означает возможность обращения в Конституционный суд по любому поводу и с любым требованием. Право на обращение в Конституционный суд у физических лиц возникает лишь в том случае, если имели или могут иметь место нарушения прав и свобод человека и гражданина, предусмотренные разделом вторым Конституции.

Презумпция конституционности означает, что нормативные правовые акты преюдициально соответствуют Конституции и любые сомнения в их конституционности могут и должны возникать лишь при наличии весомых правовых оснований, особенно это важно, когда речь идет об абстрактном контроле. В противном случае, обеспечение режима законности в стране стало бы неразрешимой задачей.

В этой связи в конституционном Законе «О Конституционном суде Кыргызской Республики» предусмотрены общие требования к форме и содержанию обращения. Одним из ключевых требований к содержанию обращения является наличие позиции обращающегося по поставленному им вопросу и его правовое обоснование со ссылкой на соответствующие нормы Конституции (пункт 9 части 4 статьи 27).

Это означает неременное наличие системной связи между оспариваемыми нормативными положениями и нормами Конституции. Тогда как доводы Иманкулова Т.И. носят характер суждений вокруг конституционных гарантий на свободу мысли и выражения мнения, о недопустимости уголовного преследования за распространение информации, порочащей или унижающей честь и достоинство личности, ограничений установленных Конституцией гарантий запрета, а также запрета пропаганды национальной, расовой, религиозной ненависти, гендерного и иного социального превосходства, призывающая к дискриминации, вражде или

насилию. Причем его рассуждения не свидетельствуют о наличии прямого противоречия между регулятивной силой воздействия оспариваемых нормативных положений и права на свободу мысли и выражения мнения.

Грани между конституционными ценностями, запретами, допустимыми и неправомерными поведением выстроены как национальным законодательством, так и международным правом.

Пределы реализации прав и свобод, установленные Конституцией, проявляются как в виде ориентиров правомерного поведения, так и в форме ограничений, выражающиеся в запретах, вторжениях, обязанностях, ответственности, существование которых детерминировано необходимостью защиты конституционно признаваемых ценностей и назначением которых является обеспечение необходимого баланса между интересами личности, общества и государства.

Свобода выражения мнения не абсолютна, и она заканчивается там, где начинаются нарушения, например, основ человеческого достоинства, или распространение и разжигание ненависти в отношении отдельных лиц или групп людей. Так, статья 20 Международного пакта о гражданских и политических правах требует от государств запретить всякое выступление в пользу национальной, расовой или религиозной ненависти, представляющее собой подстрекательство к дискриминации, вражде или насилию.

Также, согласно правовой позиции изложенной в Решении Конституционной палаты Верховного суда Кыргызской Республики от 29 декабря 2014 года, реализация права на свободу выражения своего мнения, свободу слова реализуется ответственно и в той мере, в какой не нарушает права и свободы других лиц, установленных Конституцией и законами.

Доводы заявителя в целом сводятся к двусмысленности и размытости формулировок оспариваемых нормативных положений, допускающих, по мнению заявителя, возможность расширительного толкования и, как следствие, приводящих к злоупотреблениям со стороны правоохранительных органов. Однако эти умозаключения сами по себе не порождают

противоречий между оспариваемыми нормативными положениями и конституционными установлениями.

Выбор методики изложения правовых норм, его структурных элементов, определение признаков противоправного деяния, его классификации и уголовно-правовой характеристики относится к сфере нормотворческой деятельности, то есть к дискреции законодателя.

Предположения Иманкулова Т.И. относительно того, что унижение национального достоинства не может быть отнесено к категории уголовно-наказуемых деяний, поскольку достоинство, как правило, употребляется применительно к человеку как к личности и не может существовать коллективного достоинства, также не может рассматриваться как правовой аргумент, подтверждающий наличие правовой неопределенности в рассматриваемом вопросе.

С учетом изложенного, Конституционный суд Кыргызской Республики не находит оснований для отмены определения коллегии судей от 27 января 2022 года.

На основании вышеизложенного, руководствуясь частью 5 статьи 30, статьями 38, 48, 49, частью 1 статьи 52 конституционного Закона «О Конституционном суде Кыргызской Республики», Конституционный суд Кыргызской Республики

П О С Т А Н О В И Л:

1. Жалобу Иманкулова Тимура Иманкуловича на определение коллегии судей Конституционного суда Кыргызской Республики от 27 января 2022 года оставить без удовлетворения.

2. Настоящее постановление является окончательным, обжалованию не подлежит и вступает в силу с момента подписания.

**КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД
КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ**